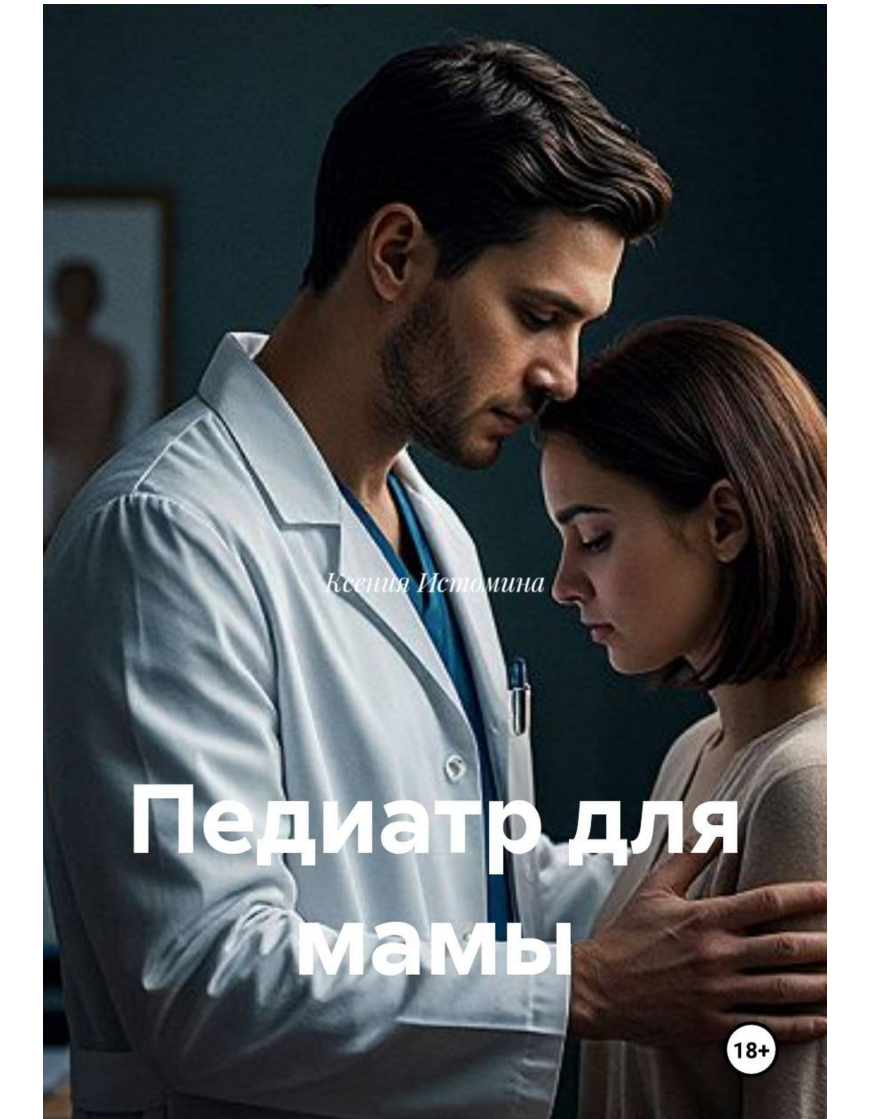

Ксения Истомина

Педиатр для мамы

18+

Ксения Истомина

Педиатр для мамы

<https://litres.ru/74634748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой педиатр врывается в мою жизнь, разрушая её до основания. Срывая оковы брака, изменяю своему мужу. Но что это? Любовь? Судьба? Или просто проверка на вшивость, которую я не прошла?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ксения Истомина

Педиатр для мамы

Глава 1

Ася

— Вы уверены, что в больницу нам всё-таки не нужно? А если, когда Вы уйдете, ему станет хуже? — в третий раз переспрашиваю у нашего нового молоденького педиатра.

Я уже буквально трясусь от страха, рисуя в голове возможные плохие исходы, как только он выйдет за дверь. А если будут судороги, а если температура перешагнет 40°, и тысяча этих если, один другого страшней. Головой понимаю, что вероятность небольшая, но ведь она есть.

— Если Вы очень хотите в больницу, вызывайте скорую, они быстро это организуют, — хмыкает вчерашний мальчишка. А он точно специалист? Или только вчера закончил универ? Пока раздумываю над этим вопросом, врач уже скидывает бахилы прямо на пол и открывает дверь, чтобы спокойненько уйти. — А если лекарство не подействует и температура будет держаться? — Вызывайте скорую. — Тогда зачем нам были нужны Вы вообще?.. Медленно поворачивается — я однозначно задела его самолюбие. — Раз не нужен, сразу звоните в скорую!.. Вот ведь заладил — скорую, скорую.

Смотрю, как он поворачивается и уходит. Высокий, стройный, я бы даже сказала, какой-то жилистый. Бывший спортсмен? Походка шустрая, лёгкая. Конечно, с такими длинными ногами и сапоги-скороходы ни к чему. Симпатичный. Пока разговаривали, отметила его правильные, даже красивые черты лица: узкое интеллигентное лицо, широко раскрытые ярко-голубые глаза в обрамлении длинных тёмных ресниц, аккуратный нос и слегка пухлые губы. И, как говорится, вишенкой на торте — маленькая родинка над губой, смешная до невозможности. Не вяжется никак с его образом медицинского работника, больше подошла бы какому певцу или актёру.

Закрываю дверь и бегу скорее к своему малышу. Он уже незаметно уснул и шумно сопит в обе дырки. Трогаю лоб — вроде, спадает немного. Выдыхаю. Может, и действительно не всё так серьёзно. Первый раз у моего крохи такая высокая температура — 39,5, шутка ли. Как тут не разволноваться?

Вспоминаю врача — совсем молодой. И что забыл в нашей поликлинике? Ладно, некогда об этом думать. Пока ребёнок спит, нужно успеть переделать кучу дел, чем я срочно и начинаю заниматься.

Полтора часа кручусь-верчусь как электровеник по квартире, мужу доложила обстановку с ребёнком, присесть не успела ни на минуту.

Звонок.

Неизвестный номер.

— Еще раз здравствуйте! Это Илья Викторович, ваш участковый педиатр. Как Арсений? Температура спала?

Ничего себе! Сам звонит? Не надорвётся от перенапряжения?

— Да, спАла. Но на сколько, не знаю — спит, — сделав над собой усилие, пытаюсь отвечать максимально вежливо.

— Хорошо, что спит. Значит, действительно снизилась... Я завтра загляну к вам в первой половине дня. Всего доброго! — сбрасывает вызов, не дожидаясь ответа.

Открыв рот, но не успев ответить, так и стою, всматриваясь в цифры номера, как-будто пытаюсь их запомнить.

Какое-то странное предчувствие легонько касается моей души — мне вдруг мерещится, что этот человек будет в моей жизни, но не как педиатр для моего ребёнка. Отмахиваюсь от этого ощущения. Глупости всё это! Надо меньше смотреть турецких сериалов!..

Скоро должен придти муж с работы, нужно успеть приготовить хоть какой-никакой простой ужин. В последнее время сын стал часто болеть, много сил и времени уходит на присмотр за больным ребёнком. Андрей больше и чаще раздражается, выговаривает свои обиды и претензии, дескать, я совсем забыла, что кроме ребёнка, вообще-то, у меня ещё и муж имеется, и что он не менее ценен в этой семье, чем 5-летнее дитя. Честно говоря, с каждым разом слушать такое всё сложнее — я же не по кабакам шляюсь, а сижу с его же собственным ребенком, забывая иной раз поесть, какие тут

могут быть обиды? Но они есть. И всякий раз я с дичайшим упорством вдумываюсь, где и в какие моменты мой любимый муж чувствовал себя нелюбимым? Чувствую вину! Я недодаю мужчине всей моей жизни ласки, нежности, внимания... Надо. Надо находить больше времени, больше возможностей проявлять свою любовь к нему. Он заботится о нас, работая в полную силу, чтобы у нас было всё необходимое для комфортной жизни. Я должна показать, как за все его старания благодарна ему!

Вина. Последние три года она неотступно ходит за мной, разъедая изнутри. Она грызёт, царапает мою душу, душит меня. В самой отдалённой частичке моего сознания постоянно мелькает мысль, что вина не лучший советчик в отношениях с мужем. Но я гоню её. Даже простая мысль, а вернее просто подозрение о том, что все мои поступки, вся моя забота о семье, о любимом — это проявление чувства вины, но никак не любви, делает меня саму в своих же мыслях неблагодарной сволочью. Бегу... бегу от этих мыслей, повторяя как мантру, — я люблю Андрея, он мой мужчина, мы с ним до конца наших дней. Я его никому не отдам...

Глава 2

Илья

В комнате было довольно душно. Плотные шторы были задёрнуты и почти не пропускали свет, и только тонкая полоска солнечного луча падала на край детской кровати, на которой лежал мальчик лет пяти. Кожа лица горела жаром, что чувствовалось даже на расстоянии, а дыхание было неровным, с короткими паузами, после которых он шумно втягивал воздух, будто выныривал из воды. Рядом на тумбочке лежал градусник, и я на автомате взял его: 39,5. Как и говорила девушка, мама ребёнка.

— Как давно поднялась температура? — спросил я, стараясь придать голосу большей уверенности. — Были ли судороги или рвота? Когда он в последний раз пил воду?

— Около часа назад. Нет, ничего такого не было. Я даю попить, но он отказывается. — отвечает сбивчиво но по порядку мама мальчика.

Смотрю на девушку перед собой. Какая-то совсем тоненькая, маленькая и очень бледная. Небольшая головка с тёмными густыми недлинными волосами, едва достающими до плеч. Тонкие черты лица, небольшие, слегка припухлые губки и... ГЛАЗА!!! Что это за глаза! Огромные серые, широко распахнутые, будто застывшие в вечном вопросе, но по-детски наивные. Мурашки взбесившимся табуном побежали по

всему телу от её взгляда.

— Хорошо! Сейчас нужно снизить температуру, — говорю я. — Что-то уже давали?

— Пока нет.

Достаю ибупрофен.

— Всё будет хорошо, — тихо говорит она, наклоняясь к мальчику. — Папа скоро придёт, слышишь? А сейчас дядя доктор тебе поможет, он всё знает...

На ложечке даю ребёнку жаропонижающее.

— Теперь главное — не дать температуре снова подняться, — объясняю я, убирая лекарство обратно в сумку. — Сейчас жар должен уменьшиться, но если через какое-то время будет снова 39 и выше, вызывайте скорую. Я оставлю вам номер, по которому можно позвонить мне, если станет хуже. Но сейчас, я думаю, он стабилизируется.

Беру свои вещи и иду на выход, но трясущаяся мамочка делает большие глаза:

— Вы уверены, что в больницу нам всё-таки не нужно? А если, когда Вы уйдете, ему станет хуже?

Закатываю мысленно глаза. Еще одна паникёрша. На мой пока не очень опытный взгляд большинство мамочек делятся на два типа: пофигистки и паникёрши. Первые лечат всё сами, даже если не знают, от чего именно, или вовсе не лечат (природа сама справится), вторые — паникёрши, падающие в обморок от каждого чиха своего чада. Эта, видимо, из второго типа. Конечно, бывает ещё и третий, разумный вид

мам, но, на мой взгляд, это большая редкость.

— Если Вы очень хотите в больницу, вызывайте скорую, они быстро это организуют, — достаточно сочувственно, как мне кажется, отвечаю я.

— Тогда зачем нам были нужны Вы вообще?.. — А вот это было уже невежливо. Неприятно кольнуло. Если такая умная, чего сама не дала жаропонижающее? Это же знает каждая мамочка.

— Раз не нужен, сразу звоните в скорую!.. — бросаю я в ответ, быстрым шагом удаляясь от этой квартиры.

Она меня разозлила, чего скрывать. Я и так без году неделя как работаю в этой поликлинике: неуверенность и синдром самозванца — мои вечные спутники. Но сейчас в моём случае профессиональное уходит на второй план.

В последний месяц я вообще сам не свой и мало, о чём могу думать. Только она! Моя Лиля!

Мы вместе с восемнадцатью лет, как только познакомились на первых пАрах в университете, так и не расставались больше. Всё было между нами: и ссоры, и слёзы, и страсть, и первая любовь её и моя. Но надолго друг друга не оставляли.

Год назад Лиля начала намёками и полутонами протискивать между нами мысль, что пора бы создать новую ячейку общества и завести детей. Дескать, нам уже по 24, универ почти закончен, пора думать и планировать нашу совместную жизнь дальше.

Я люблю её и хотел бы с ней ребёнка или даже несколько,

но не сейчас, не в обозримом будущем. Я только устроился участковым педиатром в обычную поликлинику на зарплату, которой едва хватит на аренду маленького жилья для нас двоих. Ни у моих родителей, ни у её мы жить не хотим оба. Конечно, я согласен, надо думать о будущем, но я не перевезу её завтра же в большой дом с пятью спальнями, это надо понимать.

Мои родители могли бы мне помочь с покупкой квартиры, но отец, академик НИИ, старой формации, и считает, что мужчина должен добиться всего сам, как он когда-то, приехав из маленького городка покорять Москву своими научными идеями и фантазиями, сам добыл для своей семьи всё необходимое. Самый дорогой подарок, который он когда-либо дарил мне, — это его же старенький синий Фольксваген тысяча девятьсот какого-то года.

Он подарил мне его на восемнадцатилетие. Я бы счастлив, конечно, от такого подарка. Тогда. В восемнадцать лет. Но не сейчас. И сдать в утиль жалко, и он нет-нет, да и выручает меня иногда.

Мы с Лилей никогда не жили одним бытом вместе. Она в своей родительской квартире, я в своей, такой же родительской. Встречались где могли. Иногда у неё было свободно, иногда у меня, когда отец уезжал на свои конференции и симпозиумы. Мать всегда и везде сопровождала его. Даже когда я был ещё маленький, она оставляла меня с бабушками и ехала за своим мужем как истинная декабристка.

Все эти мысли крутились в моей голове, пока я обходил остальных больных. Благо, что сегодня не было сложных, всё как обычно: ОРВИ, энтеровирус и один мнимый больной, который просто не хотел идти в школу.

Завершив последний визит, иду к своей машине с намерением оттуда позвонить Лиле, чтобы зачем-то в очередной раз услышать её раздражительный голос. Она часто стала со мной так разговаривать. Я же в свою очередь никак не могу просто и честно с ней поговорить, выяснив причины такого отношения. Наверное, боюсь услышать то, чего страшусь больше всего.

И вдруг меня озаряет мысль: я так и не написал свой номер телефона той мамочке с ребёнком и температурой 39,5. Надо бы узнать, как они там. Достаю планшет и открываю заявку на вызов. Первым делом нахожу имя. Ася! Имя мальчика — Арсений.

Тут же списываю номер телефона и нажимаю на кнопку вызова. Она ответила почти сразу.

— Еще раз здравствуйте! Это Илья Викторович, ваш участковый педиатр. Как Арсений? Температура спала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.